Русалочьи сказки

Автор:
Алексей Толстой

Русалочьи сказки

Алексей Николаевич Толстой

Сборник сказок Алексея Толстого.

Алексей Толстой

РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ

РУСАЛКА

Во льду дед Семен бьет прорубь – рыбку ловить. Прорубь не простая налажена с умом.

Дед обчертил пешней круг на льду, проколупал яму, посередине наладил изо льда же кольцо, а внутри его ударил пешней.

Хлынула спертая, студеная вода, до краев наполнила прорубь.

С водой вошли рыбки – снеток, малявка, плотва.

Вошли, поплавали, а назад нет ходу – не пускает кольцо.

Посмеялся своей хитрости дед Семен, приладил сбоку к проруби канавку – сачок заводить и пошел домой, ждать ночи – когда и большая рыбина в прорубь заходит.

Убрал дед Семен лошадь и овцу – все свое хозяйство – и полез на печь.

А жил он вдвоем со старым котом на краю села в мазанке.

Кот у деда под мышкой песни запел, тыкался мокрым носом в шею.

– Что ты, неугомонный, – спрашивал дед, – или мышей давно не нюхал?

Кот ворочался, старался выговорить на кошачьем языке не понять что.

«Пустяки», – думает дед, а сна нет как нет.

Проворочался до полуночи, взял железный фонарь, сачок, ведро и пошел на речку.

Поставил у проруби железный фонарь, стал черенком постукивать по льду.

– Ну-ка, рыбка, плыви на свет.

Потом разбил тонкий ледок, завел сачок и вытянул его полный серебряной рыбешки.

«Что за диво, – думает дед, – никогда столько рыбы не лавливал. Да смирная какая, не плещется».

Завел и еще столько же вытянул. Глазам не верит: «Нам с котом на неделю едева не проесть».

Посветил фонарем в прорубь – и видит на дне около кольца лежит темная рыбина.

Распоясался дед Семен, снял полушубок, рукава засучил, наловчился да руками под водой и ухватил рыбину.

А она хвостом не бьет, – смирная.

Завернул дед рыбу в полу, подхватил ведро с малявками, и – домой…

– Ну, – говорит, – котище, поедим на старости до отвала, смотри…

И вывалил из полы на стол.

И на столе вытянула зеленый плес, руки сложила, спит русалка, личико – спокойное, детское…

Дед – к двери, ведро уронил, а дверь забухла, – не отворяется.

Русалка спит…

Обошелся дед понемногу; пододвинулся поближе, потрогал – не кусается, и грудь у нее дышит, как у человека.

Старый кот рыбу рассыпанную не ест, на русалку смотрит, – горят котовские глаза.

Набрал дед тряпья, в углу на печке гнездо устроил, в головах шапку старую положил, отнес туда русалку, а чтобы тараканы не кусали, – прикрыл решетом.

И сам на печку залез, да не спится.

Кот ходит, на решето глядит…

Всю ночь проворочался старый дед; поутру скотину убрал да опять к печке: русалка спит; кот от решета не отходит.

Задумался дед; стал щи из снетков варить, горшок валится, чаду напустил…

Вдруг чихнуло…

– Кот, это ты? – спрашивает дед.

Глянул под решето, а у русалки открытые глаза, – светятся. Пошевелила губами:

– Что это ты, дед, как чадишь, не люблю я чаду.

– А я сейчас, – заторопился дед, окно поднял, а горшок с недоваренными щами вынес за дверь.

– Проснулась? А я тебя было за щуку опознал.

Половина дня прошла, сидят дед и кот голодные.

Русалка говорит:

– Дед Семен, я есть хочу.

– А я сейчас, вот только, – дед помялся, – хлебец ржаной у меня, больше ничего нет.

– Я леденцов хочу.

– Сейчас я, сейчас… – Вышел дед на двор и думает: «Продам овцу, куда мне овца? Куплю леденцов…»

Сел на лошадь, овцу через шею перекинул, поскакал в село.

К вечеру вернулся с леденцами.

Русалка схватила в горсть леденцов – да в рот, так все и съела, а наевшись, заснула…

Кот сидел на краю печки, злой, урчал.

Приходит к деду внучонок Федька, говорит:

– Сплети, дед, мочальный кнут…

Отказать нельзя. Принялся дед кнут вить, хоть и не забавно, как раньше бывало.

Глаза старые, за всем не углядишь, а Федька на печку да к решету.

– Деда, а деда, что это? – кричит Федька и тянет русалку за хвост… Она кричит, руками хватается за кирпичи.

– Ах ты озорник! – никогда так не сердился дед Семен; отнял русалку, погладил, а Федьку мочальным кнутом: – Не балуй, не балуй…

Басом ревел Федька:

– Никогда к тебе не приду…

– И не надо.

Замкнулся дед, никого в избу не пускал, ходил мрачный. А мрачнее деда – старый рыжий кот…

– Ох, недоброе, кот, задумал, – говорил дед.

Кот молчал.

А русалка просыпалась, клянчила то леденцов, то янтарную нитку. Или еще выдумала:

– Хочу самоцветных камушков, хочу наряжаться.

Нечего делать – продал дед лошадь, принес из города сундучок камушков и янтарную нитку.

– Поиграй, поиграй, золотая, посмейся.

Утром солнце на печь глядело, сидела русалка, свесив зеленый плес с печи, пересыпала камушки из ладони в ладонь, смеялась.

Дед улыбался в густые усы, думал: «Век бы на нее просмотрел».

А кот ходил по пустому хлеву и мяукал хриплым мявом, словно детей хоронил. Потом прокрался в избу. Шерсть дыбом, глаза дикие.

Дед лавку мыл; солнце поднималось, уходило из избы…

– Дед, дед! – закричала русалка. – Разбери крышу, чтобы солнце весь день на меня светило.

Не успел дед повернуться, а кот боком махнул на печь, повалил русалку, искал усатой мордой тонкое горло.

Забилась русалка, вывертывается. Дед на печь, оттащил кота.

– Удуши кота, удуши кота, – плачет русалка.

– Кота-то удушить? – говорит дед. – Старого!..

– Он меня съест.

Скрутил дед тонкую бечевку, помазал салом, взял кота, пошел в хлев.

Бечевку через балку перекинул, надел на кота петлю.

– Прощай, старичок…

Кот молчал, зажмурил глаза.

Ключ от хлева дед бросил в колодезь.

А русалка долго на этот раз спала: должно быть, с перепугу.

Прошла зима. Река разломала лед, два раза прорывала плотину, насилу успокоилась.

Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло березами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни.

Дед Семен окно раскрыл; пахучий, звонкий от песен ветер ворвался в низкую избу.

Молча соскочила с печи русалка, поднялась на руках.

Глядит в окно, не сморгнет, высоко дышит грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksey-tolstoy/rusaloch-i-skazki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить